

Цзян Хунмэй собиралась погубить себя сама, и Шэнь Цзянань, разумеется, был только рад не утруждаться лишний раз. Он прислонился к дверному косяку, поджав губы и с ухмылкой наблюдая за тем, как та продолжает рыть себе могилу.

Тем временем несколько болтливых баб у подножия горы уже тряслись от ярости. Они вразнобой уперлись руками в бока и, тыча в нее пальцами, принялись наперебой отчитывать ее последними словами:

— Какая же ты бесстыжая девка, что ты мелешь?! Кто тут кого оговаривает?!

— Точно! Только и знает, что целыми днями палец о палец не ударит, а всё норовит своими лисьими глазками мужиков повсюду завлекать! И после этого еще валит с больной головы на здоровую, заявляя, что мы тебя оклеветали? Совесть-то вообще есть?!

— Да что с ней разговаривать, и так всё ясно!

Нью Чуньхуа бросила презрительный взгляд на своих закадычных подруг — Чжао Хуньин и Ли Чжаоди, а затем едко обратилась к стоявшей на пологом склоне Цзян Хунмэй:

— Будь у нее хоть капля совести, она бы не орала на каждом углу: Цзяньго-о-о... Гу Юй-ю-ю!

Она передразнила манеру девушки, вцепилась руками в две короткие толстые косички, свисавшие с плеч, и жеманно заголосила:

— Цзяньго-о-о! Как ты мне надоел-л-л!.. Гу Юй-ю-ю, это же всё ради твоего блага-а-а!..

— Ха-ха-ха-ха!

Ее комичное, ужимчатое кривляние заставило подруг согнуться пополам от хохота.

— Чуньхуа, перестань пародировать! У той голос завивается кренделем прямо до небес и любого с ума свести может, а ты выглядишь точь-в-точь как течная корова — аж страшно смотреть!

Чжао Хуньин с брезгливым презрением покосилась на Цзян Хунмэй:

— Эх ты! Тебе в жизни ни за что не научиться так по-лисьи шлюховать!

— Ха-ха-ха-ха-ха...

Ли Чжаоди и Нью Чуньхуа снова покатались со смеху от ее слов, у них аж животы заболели от

веселья, ни о какой приличности и речи не было.

— Ах вы... грубиянки, мерзкие и распутные бабы!

Видя, как эти трое унижают ее, Цзян Хунмэй от злости чуть не расплакалась.

— Мы с Цзяньго просто близкие друзья! А Гу Юй — мой жених...

— Хунмэй! Хватит!

Чжао Цзяньго, заметив, что эта дура продолжает пререкаться с тремя деревенскими сплетницами, в испуге забился в тени за глинобитной стеной двора. Он замахал на нее руками и зашептал:

— Ты что, не знаешь, кто такая тетушка Чуньхуа? Если ты разозлишь их троицу по-настоящему, тебе же хуже будет, понимаешь?

— Чжао Цзяньго, что ты за бред несешь?! — возмущенно выпалила Цзян Хунмэй, совершенно не ожидав от него таких слов. — Это же они во всем неправы, с какой стати нам спускать им всё с рук?!

Окончив говорить, она проигнорировала помрачневшее лицо парня, резко повернулась и громко крикнула вниз, на дорогу:

— Нью Чуньхуа, Чжао Хунъин, Ли Чжаоди, я вам вот что скажу: так просто это не сойдет вам с рук!

Она встала боком, выпрямила спину и резко бросила жительницам деревни:

— Я сейчас же пойду в коммуну к секретарю искать правды! Спрошу его, как быть, если кто-то клеветает, будто я за спиной своего жениха Гу Юя кручу шашни с его сыном?!

Услышав это, женщины на мгновение остолбенели, а затем снова покатались со смеху:

— Ха-ха-ха-ха! Иди, давай ступай! Мы все будем ждать и смотреть!

Выступление Цзян Хунмэй так рассмешило их, что они попадали со смеху прямо на землю. В их головах крутилась одна мысль: неужели эта баба с головой не дружит? В коммуне «Хунци» любой у кого глаза на месте видел, что Чжао Цзяньго по уши в нее влюблен.

Сам же Чжао Цзяньчэн хоть особой симпатии к ней не испытывал, но поскольку девица была

старшекласницей и прибыла из самого большого города, он молчаливо одобрял отношения старшего сына с ней и то и дело оказывал ей знаки внимания.

Все в деревне прекрасно это видели. Хотя на душе у многих зрело недовольство, Чжао Цзяньчэн занимал пост секретаря производственной бригады, и в его руках находились все рычаги их выживания. Никто не смел сказать лишнего слова, оставалось только притворяться слепыми.

И вот теперь — на тебе! Она задаром наелась хорошей еды, а теперь переворачивает стол и вопит, что больше так не играла. При характере Чжао Цзяньчэна — попробуй он ее только простить!

— Ах вы... да как вы...

Видя, что те смеются над ней всё наглее, Цзян Хунмэй затряслась от ярости. В голове у нее крутились самые разные мысли, но подходящих слов для ответа она подобрать не могла, так что ей оставалось лишь обиженно повернуться к своему другу с перекошенным от досады лицом и поискать у него поддержки.

— Цзяньго, они переходят все границы! Мало того что они нагло клеветают на нас с тобой и на мои отношения с Гу Юем, так еще и ведут себя отвратительно. Таких людей нельзя оставлять в бригаде, мы должны доложить руководству, пусть в бригаде с ними как следует разберутся!

Услышав это, Чжао Цзяньго чуть не сошел с ума от злости. Раньше ему казалось, что Цзян Хунмэй наивна, мила и совершенно не разбирается в жизни, но теперь, послушав ее речи, он понял: мозги этой бабы точно лошастью лягнуты.

Ему сейчас хотелось подбестить и пинком сбросить ее с горы, чтобы она шею себе сломала к чертям собачьим. Такая ведь мелочь! Ему стоило лишь тайком перекинуться парой слов с мужьями этих трех языкастых баб, как те по возвращении домой тут же всыпали бы женам ремня, и впредь те боялись бы языком трепать.

Все люди здравомыслящие, в эту эпоху, особенно в деревне, старались не раздувать скандалы вокруг темных делишек между мужчинами и женщинами, если только прижмет не совсем отчаянно. В конце концов, это не только бросало тень на репутацию всей бригады и вредило последующим смотрам и коллективным интересам, но и портило брачные перспективы молодежи. Так что простые крестьяне, как бы дико себя ни вели, всегда знали меру.

А эта мадам вырядилась! Сама лезет на рожон, ищет ссоры, раздувает скандал из ничего. Разве это не значит — добровольно отдавать козыри в чужие руки, чтобы те крутили тобой как хотели?

И главное, он начал серьезно сомневаться: Цзян Хунмэй и впрямь круглая дура или просто бессовестная тварь? Он целыми днями готов был носить ее на руках и сдувать пылинки, а она

только что заявила, будто приходится невестой Гу Юю, а он ей — всего лишь близкий друг!

Да пошел он к черту, этот близкий друг! Выходит, эта слабоумная баба держала его на запасном аэродроме? И какого черта он перед ней распинался?

Чем больше Чжао Цзяньго думал об этом, тем сильнее свирепел. Тут же про себя он твердо решил: с сегодняшнего дня он будет держаться от нее подальше и больше не намерен быть простаком, которого доят.

А Цзян Хунмэй ждала, пока он поможет ей выпустить пар. Не дождавшись ответа на свои слова, она почувствовала, как внутри у нее всё закипело, и не удержалась — рывкнула еще раз. В ее голосе сквозило откровенное раздражение, и от прежней мягкости и миловидности не осталось и следа:

— Чжао Цзяньго, ты чего завис?

Она ткнула пальцем в сторону баб у подножия горы и взбешенно набросилась на парня:

— Эти шлюхи тут распинаются черт знает сколько времени, нагло обвиняют нас в связи, а ты не идешь объясняться, только и знаешь, что прятаться! Ты вообще мужик или нет?!

Она всё зудела и зудела без остановки, а в сердце Чжао Цзяньго закипала ярость, которую он больше был не в силах сдерживать. Он взревел во всю мочь:

— Заткнись! Свиная башка, свиная башка!

Едва эти слова сорвались с губ, как бурный поток прежней сильной страсти внезапно хлынул обратно, мигом смывая последние жалкие крупички раскаяния и досады со дна его души.

Злобный взгляд Чжао Цзяньго на миг заволокло одержимостью, но остатки здравого смысла в голове заставили его в раздражении приняться колотить себя кулаками по голове.

Ему казалось, что он сейчас расколется надвое, и он совершенно не понимал, как ему теперь смотреть на любимую женщину.

А Цзян Хунмэй от его крика застыла так, будто на нее обрушилось небо. Она с неверием уставилась на него, и ее миндалевидные глаза вмиг заволокло пеленой слез:

— Цзя... Цзяньго! Ты... ты на меня кричишь?!

Она прижала руку к груди, словно страдальца Линь Дайюй, сделала пару шагов назад и

дрожащим голосом потребовала ответа:

— Цзяньго, как... как ты мог так перемениться? Разве ты сам раньше не говорил, что терпеть не можешь этих деревенских сплетниц, которые распускают грязные языки?.. И дальше шло неразборчивое бормотание...

— Может, ты заткнешься, нет?

— С чего это вдруг? Я... да пошли вы...

Голова Чжао Цзяньго гудела от ее криков, раскалываясь от боли. Лицо его сделалось страшнее тучи, ему безумно хотелось немедленно убраться отсюда. Раз мысль возникла, он тут же воплотил ее в жизнь: резко выпрямился и, пока Цзян Хунмэй продолжала что-то беспрерывно бубнить, опустив голову, напролом бросился мимо нее. Широким шагом он побежал вниз по склону горы и, не оглядываясь, быстро скрылся из виду среди груды щебня.

Этот его маневр поверг Нью Чуньхуа с подругами и Цзян Хунмэй на полпути к склону в полный ступор. Они так и замерли на месте, не зная, как реагировать.

Шэнь Цзянань, прятаясь неподалеку и наблюдавший за представлением, скосил глаза на их остолбеневшие физиономии, и уголки его губ судорожно задержались.

— Эм... Хунмэй, твой Чжао Цзяньго ушел.

Он выпрямился, сделал пару шагов вперед, останавливаясь на тропинке, и, тыча пальцем вниз с едва сдерживаемым смехом, «по-доброжелательности» окликнул пострадавшую:

— Ты не собираешься его догонять? Он же бросил тебя одну и убежал!

Услышав это, раскаленная голова Цзян Хунмэй немного остыла. До нее наконец дошло, что она только что натворила. Смириться с этим было трудно, на сердце скребли кошки, накатывала горькая обида: да, пожалуй, не стоило ей так разговаривать с Чжао Цзяньго, но ведь и он перегнул палку!

Разве близкие друзья не должны понимать друг друга? Она сорвалась на крик только потому, что эти три сплетницы извратили их отношения втроем, вот она и потеряла рассудок от гнева.

Если бы только что Чжао Цзяньго встал на ее сторону и помог расправиться с теми бабами у подножия горы, она бы никогда не стала в бешенстве бросаться ранящими словами.

К тому же он виноват куда больше! Как близкий друг и как мужчина, он не только не вышел вперед, когда ее унижали, а спрятался за углом и молчал в тряпочку, так еще и обозвал ее

свиной башкой...

У-у-у! Ну до чего же бессовестный! Цзян Хунмэй не выдержала, присела на корточки на землю, закрыла лицо руками и горько зарыдала. В этот момент она почему-то так сильно, так отчаянно затосковала по Гу Юю!

Нью Чуньхуа и остальные внизу слышали, как эта девица снова завывала, и почувствовали себя предельно раздраженно. Они не удержались от ругани:

— Да у нее точно с башкой не всё в порядке! Что ни слово — сразу в рев!

— Откуда ей знать, она же из воды сделана!

— Брехня! Только что орала на старшего сына семьи Чжао точь-в-точь как разъяренная свиноматка, какая к черту вода?

Ли Чжаоди и Чжао Хунъин при этих словах снова схватились за животы:

— Ха-ха-ха, разъяренная свиноматка! Чуньхуа, ну как у тебя язык поворачивается такое ляпнуть, ха-ха-ха...

Услышав, что они продолжают издеваться, Цзян Хунмэй вскочила на ноги, со слезами на глазах окинула их свирепым взглядом и что есть мочи заорала:

— Да пошли вы все!

После этого, под непрерывный лай трех женщин, она заревела в три ручья и побежала вниз с горы, позорно спасаясь бегством в сторону палатки молодежи. Нью Чуньхуа и остальные переглянулись и с облегчением выдохнули, сообразив, что в ближайшее время Цзян Хунмэй доноса Чжао Цзяньчэну писать не станет. Они бросили презрительный взгляд на Шэнь Цзянаня, стоявшего на середине склона, и поспешно разошлись.

Парень молча скривил губы. Он уже собирался повернуть к дому, как вдруг увидел, что издалека к нему неторопливой походкой приближается Гу Юй с охапкой дикого лука в руках. Лицо Шэнь Цзянаня просветлело, брови изогнулись в улыбке, и он всю замахал руками, закричав:

— Брат Гу! Брат Гу!

Гу Юй слышал голос, поднял глаза и сразу заметил Шэнь Цзянаня на горной тропе. Его суровые брови и взгляд мгновенно смягчились:

— Не стой на краю, иди внутрь, жди меня там.

Шэнь Цзянань помотал головой:

— Я тут постою.

И прямо через склон они начали болтать:

— Брат Гу, жаль, что ты припозднился, а то бы посмотрел знатное представление.

— Какое еще представление?

Гу Юй поднялся по горной тропе, вглядываясь в него снизу вверх. Шэнь Цзянань поджал губы, предвкушая веселье:

— Только что Цзян Хунмэй с Чжао Цзяньго опять приходили за тобой, хотели звать чинить крышу... Они несли такую чушь, что я окатил их водой с головы до ног. Чжао Цзяньго рассвирепел и хотел меня ударить, но... в общем, я поставил его на место. А тут как раз тетка Нью и ее подруги мимо шли...

— Ха!

Гу Юй поднялся до половины горы и с любопытством спросил:

— Кто такая тетка Нью?

— Да Нью Чуньхуа же! — звонко ответил парень.

Его большие черные глаза ярко блестели, а во взгляде читалось торжество и возбуждение:

— Я испугался, что Чжао Цзяньго снова начнет пачкать грязью тебя и меня, и специально наговорил им всяких двусмысленных вещей. Тетка Нью услышала и подумала, будто те двое на гору поднимались в кустах миловаться, а потом... эм!

Он осекся, смущенно поскреб в затылке, после чего поднял глаза и опасисто покосился на собеседника:

— Брат Гу, я так обошелся с Цзян Хунмэй... ты ведь не сердишься?

— Не сержусь! Око за око, зуб за зуб. Я терпел ее и Чжао Цзяньго дольше, чем нужно.

Гу Юй подошел ближе, чуть приподнял подбородок, показывая парню, что пора заходить в дом. Шэнь Цзянань услышал это, заглянул собеседнику в лицо и убедился, что тот действительно ни капли не лукавит. Только после этого он с радостью кивнул и, продолжая щебетать о недавнем происшествии, шагнул за порог.

«Хорошо сделано».

Гу Юй искривил губы в улыбке, бросил на него одобрительный взгляд, подошел к роднику, присел на корточки и, моя овощи, бросил:

— Подай мне миску.

— Ась!

Парень кивнул, но тут же добавил:

— Брат Гу, но я ведь уже приготовил еду!

Тем не менее, несмотря на слова, он послушно влетел на кухню, притащил миску, поставил ее перед ним, а потом уселся рядом на корточки помогать. Гу Юй слегка толкнул его в руку:

— Я сам справлюсь. Разве ты не любишь этот дикий лук? Я вымою его для тебя, сделаешь себе салатик.

Услышав, что это моют специально для него, Шэнь Цзянань очень обрадовался:

— Спасибо, брат Гу! Но я хочу оставить его на следующий раз, так у нас получится сэкономить одну трапезу с овощами.

— Ничего, есть еще.

Гу Юй поднял на него глаза и продолжил мыть:

— Я нашел целую поляну возле сараев для скота, хватит тебе раз на десять-двенадцать.

— Вот как? Тогда экономить не будем!

Парень перестал сомневаться. Заметив, что тот сполоснул последнюю луковицу, он подхватил таз с зеленью и поднялся на ноги:

— Отдыхай, диким луком я сам займусь.

С этими словами он быстро шмыгнул на кухню. Гу Юй с улыбкой отряхнул руки от капель воды и последовал за ним. Увидев, что парень уже крошит лук в пиалу, он сам подошел к плите, приподнял плетеную крышку с еды, зачерпнул две плошки жидкой каши, расставил палочки и уселся за столом, молча наблюдая за тем, как хлопочет у печки юноша. В его взгляде проступило редкое мягкое выражение.

— Брат Гу, подожди чуть-чуть, сейчас всё будет.

Шэнь Цзянань мелко нарезал дикий лук, свалил в пиалу, наугад вытащил из топки пару сухих перчиков и пару раз приложил их к еще не полностью остывшим углям, слегка подпалив кожицу. Убедившись, что перцы покрылись легким загаром, он вытащил их палочкой на плиту и пару раз яростно стукнул.

Смахнув с поверхности перцев угольную пыль, он взял их в ладони, плотно прижал друг к другу и быстрыми движениями растер в мелкую крошку, которую тут же высыпал в миску с нарезанным луком. Добавив соли, он хорошенько всё перемешал и понес к обеденному столу.

— Брат Гу, ешь пока, я руки сполощу.

— Не так уж важна эта вре... мя.

Гу Юй не успел договорить, как парень уже вылетел из кухни, а через несколько секунд оттуда послышался топот: он вбежал обратно и устроился рядом.

Глядя на то, как тот прыгает туда-сюда словно заяц, Гу Юй невольно усмехнулся, протянул руку и подвинул к парню одну из плошек с кашей:

— Ешьвай давай! Целый день голодный ходишь.

— Угу! Ты тоже ешь.

Шэнь Цзянань прищурился в улыбке, взял палочки и первым делом положил гостю большую порцию картофельной соломки:

— Брат Гу, попробуй-ка, как получилось?

Гу Юй кивнул:

— Всё, что ты готовишь, вкусное.

В этом он не сомневался. Шэнь Цзянань хоть и приехал из Шанхая, а родители его были руководящими работниками, базовым навыкам выживания его обучили — ну, за исключением полевых работ вроде пахоты и пересадки риса.

В конце концов, один из родителей заведовал медпунктом в больнице, а второй работал начальником производства на тракторном заводе, и их ребенку вовсе не обязательно было заниматься тяжелым физическим трудом.

Только вот судьба распорядилась иначе. Трудолюбивые супруги не ожидали подвоха со стороны родственников. Дедушка и бабушка Шэнь Цзянаня благоволили семье его старшего дяди. В деревню изначально должен был ехать его двоюродный брат, но в итоге дед с бабкой и дядя Шэнь Цунвэнь за спиной семьи провернули делишке и просто заменили имя на Шэнь Цзянаня.

Об этом сообщили семье за пару дней до отъезда. Родители Шэнь Цзянаня взбесились на месте и заявили, что пойдут добиваться справедливости, но те двое стариков устроили истерику: с криками и воплями они добежали до самых ворот, рухнули на землю и начали кататься в пыли, громко голоса и привлекая зевак.

В ту пору почитание родителей стояло на первом месте. К тому же отец Шэнь Цзянаня находился на пороге ключевого повышения, и ему никак нельзя было давать повода для сплетен. Благоразумный Шэнь Цзянань взвесил все за и против и прямо на месте согласился с требованиями родни — ехать в деревню вместо двоюродного брата Шэнь Цзябао.

Разве мог отец позволить любимому сыну, которого он носил на руках, терпеть такие лишения? Он наотрез отказывался, пока Шэнь Цзянань не опустился перед ним на колени, умоляя согласиться, потому что не хотел из-за своей поездки разрушить карьеру отца и матери. Только тогда родитель скрепя сердце дал добро.

Однако он воспользовался моментом и выдвинул ответное требование: дед, бабка и семья дяди должны немедленно съехать с жилплощади. Разве эти кровопийцы могли согласиться? Они тут же устроили скандал.

Но отец Шэнь Цзянаня оказался человеком жестким. Он прямо сказал: если не согласитесь, умрем все вместе, во всяком случае, их трое затащат с собой на тот свет шестерых, так что умирать будет не обидно.

Сказав это, он подхватил портфель и собрался идти к вышестоящему руководству. Шэнь Цзянань-старший тут же переменился в лице от страха, схватил его за рукав и пообещал, что они съедут сию же минуту. Тогда отец нехотя вернулся в дом и выдвинул еще одно условие.

Он спросил родителей:

— Папа, мама, вы хотите получить единовременную плату за содержание на старости лет или чтобы сын выплачивал ее ежемесячно?

Старики не поняли подвоха и переспросили, что он имеет в виду. Отец холодно ответил:

— Получите всю сумму сразу и убирайтесь к старшему брату с невесткой, и больше никогда не смейте показываться на глаза мне и Шу Лань. Если согласны на ежемесячные выплаты — тоже не приезжайте сюда, оставьте адрес, я буду присылать деньги каждый месяц. С этого дня мы больше не родственники, и так до самой вашей смерти.

— Цунфэн, ты... ты что, решил порвать с нами родственные связи?!

Старик Шэнь ушам своим не верил, думая, что ослышался. Он задохнулся от ярости, зашелся кашлем и принялся бранить непутёвого сына так, будто собирался вот-вот испустить дух.

Шэнь Цунвэнь с женой и обоими детьми перепугались до смерти, бросились к старику, кто хлопал по спине, кто подавал воды — суeta была такой, будто они уже готовились справить поминки.

А Шэнь Цунфэн сидел неподвижно, словно статуя. Здоровье его отца было крепче железа в дверях тракторного завода, так что до смерти старику было еще лет двадцать.

Что же касается его жены Шу Лань, то она тем более молчала: если бы не уважение к мужу, она бы давно уже переругалась с ними. Что же до маленького Шэнь Цзяня, то он целиком унаследовал характер родителей и тем более не собирался вмешиваться.

И точно — после того как эта компания прокричалась и поняла, что зрители пьесы не оценили, они переменили тактику. Старик Шэнь заломил астрономическую сумму: потребовал, чтобы младший сын одновременно выплатил ему пять тысяч юаней на старость да еще выделил отдельную квартиру.

Шэнь Цунфэн ничего не сказал. Он поднялся с места, зашел на кухню, спрятал за спину кухонный тесак и быстрым шагом вернулся в гостиную. Под изумленными взглядами присутствующих он с размаху вогнал лезвие в обеденный стол, а затем, указав пальцем на поблескивающий холодным светом нож, холодно уставился на дрожащее семейство.

— Я скажу один раз. Расходы на содержание родителей мы с Шэнь Цунвэнем поделим пополам. Я посчитаю с запасом — по меркам содержания в городе для большинства семей. Двадцать два юаня в месяц на двоих стариков, моя доля — шестнадцать, умножим на двенадцать месяцев... Допустим, вы проживете еще тридцать лет, итого выходит две тысячи восьмьсот восемьдесят юаней. Я округлю до двух тысяч девятисот. Хотите — берите, не хотите — можете хоть завять тут все. Работу мы потеряем, но вам от этого легче не станет.

— Ах ты, неблагодарный ублюдок!

Мать Шэнь Цзяня никак не ожидала от младшего сына такой жестокости и пренебрежения к сыновнему долгу. Она взвизгнула:

— Зачем я только родила такое чудовище! Знала бы, что ты вырадешь подобной тварью, утопила бы в ночном горшке еще младенцем...

— Прошу прощения, у вас уже нет этого шанса! — холодно глядя на нее, отрезал Шэнь Цунфэн. — Напротив, вы должны благодарить судьбу за то, что родили меня. Иначе откуда бы у вас, у отца и у семьи Шэнь Цунвэня взялась возможность перебраться в город и жить в таком комфорте? Чуть что — вам нужны деньги, я даю деньги; нужна работа — устраиваю на работу; хотите хорошую школу — пожалуйста. А вы палец о палец не ударили, целыми днями только и делали, что кичились моим именем на заводах и в училищах. Если бы не репутация, которую я зарабатывал годами, да не помощь родни моей жены, вас бы уже давно расстреляли за вредительство!

Лица присутствующих мгновенно побагровели от стыда. Шу Лань, в глазах которой промелькнуло презрение, сама взяла инициативу в свои руки:

— Мы с Цунфэном тянули на себе всю семью, а в итоге нажили не то что пару грошей сбережений — нас еще и обвиняют в том, что мы не чтим родителей. Давайте поступим так: я одолжу денег у своей родни, позову свидетелей, составим расписку, где укажем причину, и вы заберете деньги и немедленно съедите отсюда, чтобы не мозолить нам глаза. В конце концов, этот дом — свадебный подарок моей семьи.

Подумав, она добавила:

— А если не съедете, я вызову милицию, пусть они объяснят вам законы. В худшем случае разобьем горшки вместе.

Услышав это, лица всех присутствующих переменились. Наконец осознав, что шутки кончились, они согласились на условия супругов.

Вскоре старик Шэнь взял деньги, и в присутствии нескольких соседей они вместе с бабкой, семьей старшего сына и четой Шэнь Цунфэна подписали расписку. После этого они собрали вещи и съехали из квартиры младшего сына.

Как раз подошло время отправки Шэнь Цзянаня в деревню. Родители плакали над сыном, бесчисленное количество раз наказывая ему беречь себя. Они пообещали, что через год, когда карьера Шэнь Цунфэна окончательно укрепитя, они придумают способ вернуть его обратно.

Только вот Шэнь Цзянань провел в деревне уже полтора года, а хотя из дома регулярно слали деньги и посылки, о возвращении родители почему-то больше не вспоминали. На людях парень улыбался, но по ночам тайком плакал в подушку.

К тому же Гу Юй заметил, что раньше транжиривший деньги и перебирающий харчами парень в последние два месяца начал понемногу откладывать монеты и приучать себя есть даже то, что раньше находил едва ли съедобным.

Пусть перемены были невелики, но они свидетельствовали о старании. Именно этот светлый и активный настрой юноши глубоко тронул Гу Юя, заронив искру надежды в его некогда выгоревшее от отчаяния сердце, и он начал всестороннюю подготовку.

Он вернулся к действительности и вновь похвалил парня. Тот гордо приподнял подбородок:

— Я тоже так считаю.

Никакой ложной скромности. Гу Юй не удержался от улыбки, а затем положил ему ложку картофельной соломки и салата из дикого лука:

— Ешь! Поешь как следует, а потом ложись спать пораньше.

— Угу, хорошо!

Шэнь Цзянань радостно кивнул и, уплетая кашу с двумя простыми закусками, подчистую выскреб миску с кукурузно-картофельной похлебкой.

Гу Юй немного удивился:

— Ты что, в коммуне днем не наелся?

— Ага! — невозмутимо ответил Шэнь Цзянань и сам себе наложил еще полпиалки жидкой каши. — Я тут подумал: нельзя продолжать в том же духе, иначе, если я угроблю здоровью, о возвращении в город и речи не будет, тут бы собственную шкуру спасти.

Он сказал это еще и потому, что прекрасно знал: прежний владелец тела был привередой и ел как птичка, а у него самого сегодня аппетит был отменный. Чтобы избежать подозрений, он выдал вполне убедительное оправдание.

И впрямь, услышав его слова, Гу Юй почувствовал некоторое облегчение:

— Раз понимаешь — хорошо.

Подумав секунду, он добавил:

— Не бойся! Больше я никому не позволю морить тебя голодом или обижать.

С этими словами он зарылся лицом в миску и принялся жадно есть. Шэнь Цзянань услышал его обещание, и ему почему-то стало немного не по себе, но мысли тут же переключились на картофельную соломку, которую тот снова подкинул ему в тарелку, и все сомнения мигом улетучились.

— Спасибо, брат Гу!

Парень поблагодарил его и снова устался в миску. Гу Юй, глядя на то, как тот уплетает за обе щеки, почувствовал, как в уголках его глаз вновь затеплилась улыбка. Он молча допил свою кашу и больше ничего не говорил.

После ужина стемнело. Гу Юй зажег стебель подсолнуха (раньше в деревнях использовали для освещения) и велел Шэнь Цзянаню как следует запереть дверь и отдыхать дома, пока он сам сходит к навесам для скота.

Юноша сразу понял, что тот идет навестить тех стариков, поэтому не стал возражать. Он лишь попросил его подождать секунду, метнулся в комнату, притащил свой собственный алюминиевый котелок и побежал на кухню. Выскреб туда всю оставшуюся в тазу кукурузно-картофельную кашу, плотно закрыл крышкой и протянул гостю.

— Осталась всего лишь половина маленькой коробочки, но и этого хватит, чтобы они полакомились сладостью. Когда будешь относить, будь аккуратен, скажи, чтобы они сразу всё разделили и съели, а саму коробочку сразу заberi обратно.

Услышав это, Гу Юй невольно крепко сжал пальцы, державшие коробку для еды, подушечки его пальцев постепенно побелели, издавая при трении едва слышный шуршащий звук:

— Хорошо.

Юноша изогнул брови в улыбке:

— Иди!

— Угу!

Отозвавшись, Гу Юй шагнул за ворота двора. Шэнь Цзянань последовал за ним по пятам, они вместе вышли со двора, и только проводив взгляд благополучно спустившегося к подножию горы юношу, Шэнь Цзянань повернулся обратно во двор и закрыл дверь.

Сразу после этого он вошел в дом, снес всю сменную одежду, которую они носили сегодня, к источнику, тщательно отстирал её и повесил сушиться на бамбуковый шест в углу двора. Только тогда он расслабленно расправил плечи и, направляясь обратно в комнату, стал обдумывать дальнейшие планы.

Раз уж он угодил в этот паршивый, сплошь пропитанный идиотизмом роман, сидеть сложа руки и ждать смерти он не собирался. Шэнь Цзянань никогда помышлял о том, чтобы причинять кому-то вред, но и отдавать свою судьбу на волю паршивой книжонки и парочки безумцев он тоже не собирался.

Если он не подготовится заранее, то как только Чжао Цзяньго и Цзян Хунмэй помирятся, беда постигнет его и Гу Юя. А это вопрос жизни и смерти, здесь нельзя относиться к делу легкомысленно.

Покинув россыпь валунов, Гу Юй напрямик свернул налево, направляясь в сторону окраины деревни. Скотный двор бригады располагался на пустыре напротив зарослей тростника на окраине, вплотную прижавшись к большой горе. Причиной такого выбора места было и то, что вокруг не было нормальных дорог.

Если кто-то вздумал бы украсть скот, то, если только не перевалить через крутые гряды гор или не переплыть на лодке реку на противоположный берег, пришлось бы идти через всю деревню по большой дороге. Но в таком случае вора легко было бы обнаружить, что фактически равнялось бы самоубийству.

Была и другая причина: за последние годы коммуна «Хунци» приняла немало особых лиц, сосланных сюда после критики и проработки. Такие люди, куда бы ни шли, были теми еще головными болями.

Кадры коммуны боялись как того, что те откажутся подчиняться дисциплине и вздумают бежать, так и того, что они станут болтать неподобающие речи и развращать мысли крестьян.

Поразмыслив как следует, скотный двор построили именно здесь, распределив этих людей на работу как раз присматривать за живностью — так удавалось убить двух зайцев одним выстрелом.

Вообще-то, когда Гу Юй только приехал, он тоже жил здесь. Но позже его тетка слезно умоляла мужа найти выход, уж неизвестно какими путями они всё обстряпали, но не прошло и полугода, как Чжао Цзяньчэн выгнал его жить в полуразрушенный домик на полугоре.

Впрочем, особой доброты в этом не было: в прошлые годы на том месте находился склад всякого хлама одной помещичьей семьи. Позже, когда ту семью слишком жестоко проработали, они сдуру накрутили веревок из травы и все разом повесились на деревьях.

Поначалу никто ничего не знал. Только на следующий день, когда они не явились на работу, люди пошли их искать и увидели пять тел, висящих на деревьях словно вяленые колбасы. Из-за жары вокруг них уже вились целые рои мух.

Сельчане перепугались не на шутку, тут же созвали группу молодых парней с сильной энергетикой ян, те сняли тела, заодно срубили то дерево, отнесли к груде валунов у подножия горы и сожгли всё дотла.

Жуткая смерть той семьи с тех пор глубоко запечатлелась в сердцах односельчан, так что даже спустя столько лет, хотя страх и угас, на душе у людей всё равно было беспокойно. Именно поэтому, когда кто-то хлопотал за Гу Юя, Чжао Цзяньчэн и закинул его туда.

Впрочем, это дало ему передышку и возможность немного восстановить силы. Ведь раньше в коровнике его во сне то и дело без всякой причины накрывали мешком и жестоко избивали.

Однажды, когда он отчаянно сопротивлялся, ему нанесли несколько глубоких кровоточащих ран величиной с большой палец граблями для навоза прямо на спину и левое плечо. Если бы несколько стариков по соседству не услышали шум и из последних сил не приползли сюда, отчаянно крича и пытаясь помочь, его маленькая жизнь наверняка оборвалась бы.

Правда, из-за тяжелых ранений и того, что орудие было сплошь в экскрементах, а на улице стояла жара, раны всё же воспалились и загноились. К счастью, среди обитателей коровника нашелся врач с выдающимся искусством исцеления — он назвал ему несколько целебных трав и описал их внешний вид, велел тайком сходить в горы за лекарством. Только так Гу Юй постепенно пошел на поправку.

С тех пор у него завязались особые отношения с теми стариками. Поскольку их положение было еще более сложным, чем у Гу Юя, не то что о горячей еде — даже о глотке воды не могло быть и речи.

Желая отплатить за спасение жизни, Гу Юй то и дело урывал крохи из своего пайка, чтобы накормить их. Иногда он собирал для этих людей дикие фрукты и овощи или тайком запекал в горах птиц и приносил им, чтобы хоть немного разнообразить их унылую трапезу. И он не прекращал этого делать даже после того, как перебрался в маленький домик на склоне горы.

Глядя на скотный двор перед глазами, Гу Юй отогнал мысли, напустил на себя улыбку и быстро зашагал внутрь. Заметив, что старики как раз хлебают из потрескавшихся плошек какую-то похлебку из диких трав — и похлебкой-то это назвать было трудно, ибо в ней не было ни единого зернышка, лишь дикорастущая зелень да рисовая шелуха, — он тут же с болью в сердце почувствовал, как глаза заволакивает слезами, и у него перехватило горло.

— Дедушки, разве я не приносил вам кукурузную муку? Почему вы снова едите это?

Услышав шум, несколько человек торопливо отставили чашки и с улыбкой замахали ему руками:

— Сяо Гу пришел, иди скорее садись.

Гу Юй кивнул, стер рукой слезу и подошел ближе, попутно вытаскивая спрятанную за пазухой коробку для еды и откладывая понемногу в чашки каждому из пятерых.

Ли Минда, самый молодой из них, с улыбкой принял его коробку, зачерпнул из котла половину половника воды, сполоснул её, поднес к губам, сделал несколько жадных глотков и только тогда с довольным видом протянул коробку Гу Юю:

— Братец Гу, извини за этот срам.

— Дедушка Ли, не говорите так. Это я бессилен и не могу о вас позаботиться.

— Что за глупости ты говоришь?

Сидевший в углу Линь Яньцин отставил палочки и бросил на него косой взгляд:

— В наши дни о себе бы позаботиться, а ты о других думаешь? Я всегда был против того, чтобы ты что-то приносил, ты же сам знаешь. Раньше, пока мы жили вместе, было проще прикрывать друг друга. Но теперь-то ты перебрался на гору, и если станешь таскать сюда еду и вещи, это будет слишком заметно. Вдруг тот ребенок, что живет с тобой, увидит — что тогда делать?

— Верно, сынок, больше не носи. Те несколько цзиней кукурузной муки, что ты дал, нам хватит до самого Нового года, — с улыбкой произнес Лу Цзяньфэн. — К тому времени начнут выдавать продовольственные пайки, сколько бы Чжао Цзяньчэн ни урезал, нам хватит пожевать. На худой конец, вон сколько диких трав на обочинах, а на противоположном берегу в тростниках можно собирать диких утиных яиц, наловить рыбы и креветок, мы будем осторожны.

Старики Лю Чжэнцзюнь с больными ногами и Се Хуайань тоже наперебой закивали:

— Да-да! Больше не носи, а то не дай бог ненароком втянем тебя в неприятности, что тогда делать?

Чем дольше старики говорили, тем сильнее у них наворачивались слезы. Гу Юю было тяжело на это смотреть, горло сдавило от тоски, и он торопливо с улыбкой произнес:

— Не переживайте, Цзянань не такой, как другие, он никому не расскажет. Сегодняшнюю кашу он сам наложил и велел мне принести ее вам всем.

— Чт... что?! — все разом остолбенели, а затем принялись расспрашивать: — Мы здесь вечно слышим, как работающие люди судачат, будто тот мальчишка эгоистичен, ленив и всегда носит правду на языке, как же он...

— Дедушки! — перебил их Гу Юй и с горькой усмешкой задал встречный вопрос: — А как по-вашему, что люди говорят о нас с ним?

Он вздохнул и продолжил:

— То, что Шэнь Цзянаня так называют, происходит оттого, что у него слабое здоровье и он действительно не силен в работе, но он никогда и не помышлял о том, чтобы лениться, и тоже старается совершенствоваться. Просто многие то и дело твердят, будто он притворяется нарочно, и пытаются шантажировать его, вымогая выгоду. Он человек жизнерадостный, четко разделяет добро и зло, никогда не зарится на чужое добро, но и никому не позволит урвать за свой счет ни малейшей крохи. Те люди, не добившись своего, брали всё без спросу, самовольно растаскивали его еду и предметы первой необходимости, да еще разводили демагогию, мол, среди образованной молодежи должно быть единство, дружба и взаимопомощь. Более того, видя, что он юн и тощ, некоторые пытались задавить его авторитетом и постоянно устраивали

ему ловушки. Но Шэнь Цзянань каждый раз ухитрялся ускользнуть и находил способ отплатить той же монетой. Не получив желаемого, эти люди принялись повсюду портить ему репутацию, нажаловались Чжао Цзяньчэну, и в итоге его выслали ко мне.

На душе у Гу Юя было одновременно кисло и горько, но в то же время в его голосе звучала доля облегчения:

— Хотя я и старше Цзянаня на несколько лет, он опекал меня гораздо сильнее. Только раньше, словно на меня нашло какое помрачение, я вечно срывал на нем злость без всякой причины. Но этот глупый парень, даже когда его обижали, не сердился. Каждый раз он лишь с покрасневшими глазами говорил, что понимает: я не могу справиться с эмоциями из-за потрясений в семье, поэтому он не винит меня — лишь бы я его не бил... Пф-ф...

Гу Юй невольно усмехнулся, но глаза его заволокла пелена поднявшихся туманов. Окружающие глядели на него, и на душе у них становилось невероятно тяжело. Засиделись же они в этом коровнике, совсем разумом оплошали! Как можно было судить о человеке по пустым сплетням?

Линь Яньцин вздохнул:

— Раз так, живите теперь с ним мирно!

— Угу, я так и сделаю! — с улыбкой поднялся Гу Юй. — Ешьте, а я пойду наберу вам воды и соберу хвороста.

С этими словами он шагнул вперед, подхватил стоявшие в углу щербатое ведро и пеньковую веревку и вышел, не оглядываясь. Старики приоткрыли рты, но в конце концов так и не окликнули его.

Реальность была очевидна: самым младшим среди них был Ли Минда, которому уже стукнуло шестьдесят; остальные — Линь Яньцин старше всех, ему в этом году исполнилось семьдесят пять, Лу Цзяньфэну — семьдесят два, Лю Чжэнцзюню — семьдесят, Се Хуайаню — шестьдесят девять. И хотя на слух их возраст еще не казался столь преклонным, чтобы они вовсе не могли работать, их тела были жестоко подорваны теми самыми «движениями» прошлых лет. Если бы не упрямая искра бунтарского духа внутри, поддерживавшая в них силы, они бы наверняка давно уже отдали концы.

Теперь же, когда все они целыми днями гнули спины на тяжелой работе, они валились с ног от усталости. И если бы заставлять рубить дрова и носить воду таких стариков, одной ногой стоящих в могиле, по правде говоря, это было бы уже слишком.

Поэтому, хотя им и было совестно, оставалось лишь позволить этому мальчику помочь — в конце концов, излишняя стыдливость была бессмысленна, силы были не те.

Примерно через час Гу Юй в темноте приволок на плечах вязанку хвороста, в руке у него было

полное ведро воды, и он вошел в коровник.

— Дедушки, я пока пойду. Пользуйтесь водой без опаски, через день я снова вам принесу.

С этими словами он снова зажег воткнутый неподалеку стебель подсолнуха и растворился в ночной темноте, покидая скотный двор.

В деревнях с наступлением темноты на улице не было видно ни зги, а поскольку никаких развлечений не существовало, крестьяне лишь забивались по своим хатам спать. Однако в доме секретаря бригады Чжао Цзяньчэна сегодня вечером стояло необычайное оживление.

Все дело было в том, что Чжао Цзяньго, получив отповедь от Цзян Хунмэй, вернулся домой и потребовал, чтобы отец помог ему подыскать красивую и работающую жену. Чжао Цзяньчэн услышал это, и в нем тотчас проснулся живой интерес.

Он изначально не слишком жаловал эту показушную Цзян Хунмэй, но прежде, учитывая ее высокий уровень образования, да к тому же столичные корни и намеки на влиятельные связи дома, счел, что эта девица в целом достойна его старшего сына. К тому же ребенок был искренне увлечен, так что он не стал слишком сильно вмешиваться и даже часто оказывал ей знаки внимания.

А теперь вон оно как вышло: сын одумался, бросил ее и хочет найти себе другую достойную пару — как тут было не радоваться? Он тут же с легкостью дал согласие.

— Угу! — кивнул Чжао Цзяньго. Вид у него был спокойным, но на душе бушевали нешуточные страхи: почему-то ему казалось, что, потеряв Цзян Хунмэй, он непременно пожалеет.

Однако завязывать с ней отношения сызнова он не желал ни под каким соусом. Он же, Чжао Цзяньго, не калека безрукий и безногий, неужели с его происхождением он не сможет найти хорошую женщину?

При этих мыслях Чжао Цзяньго подавил затаившуюся в глубине души тоску и выложил отцу свои требования:

— У меня запросы невелики: главное, чтобы лицом она была красивее Цзян Хунмэй, образованием не хуже, происхождением лучше, а родители работали на государственной службе с двойным окладом. Иначе я не жену не возьму.

Услышав это, Чжао Цзяньчэн невольно поморщился: не будь этот парень его собственным сыном, он бы непременно отвесил ему пару звонких оплеух.

Разве это поиски жены? Это же чистой воды неудовлетворенная страсть, когда человек хочет найти замену, чтобы насолить другой! Их семья Чжао, хоть и может похвастаться хорошим положением, но лишь в пределах деревни. С такими запросами сына даже среди городских кадров не факт, что удастся отыскать такую невесту — не издевательство ли это над отцом?

Впрочем, если он действительно найдет сыну столь выгодную невесту, род Чжао, пожалуй, сможет возвыситься и войти в число истинных хозяев жизни, да и его собственная чиновничья должность, глядишь, поднимется на ступеньку выше.

Мечты его были прекрасны, но вот его жена Цинь Фэнъин оказалась категорически против. Почему? За всю свою жизнь самым большим ее достижением было то, что благодаря родству с дальней племянницей бабушки детей она вышла замуж за Чжао Цзяньчэна и пробилась в председательницы женсовета.

Она во сне видела, как ее муж неуклонно идет вверх по карьерной лестнице, и желательно прямо до самой столицы, чтобы она могла сделаться женой столичного чиновника.

Правда, Цинь Фэнъин понимала: пустые мечтания хороши лишь про себя, а выскажи она их вслух — и беды не миновать.

Но с тех пор, как Цзян Хунмэй приехала в деревню в коммуну «Хунци» и сошлась с ее сыном, эти воздушные замки росли в ее воображении день ото дня.

Цинь Фэнъин всё грезила о том, как молодые поженятся, а когда Цзян Хунмэй вернется в столицу, то прихватит с собой в Пекин ее саму, мужа и остальных детей, а уж сваты похлопочут и устроят их с Чжао Цзяньчэном на приличную работу. Тогда она станет не просто столичной барыней, но еще и передовой женщиной столицы — ну не сказка ли!

Но теперь ее сын Чжао Цзяньго заявляет, что больше не желает водиться с Цзян Хунмэй, разве ж это не рушило все ее планы? Женщина поспешила взять себя в руки и принялась отговаривать его:

— Цзяньго! Да ведь те условия, что ты только что озвучил отцу, точь-в-точь списаны с этой самой Хунмэй!

Она прикрыла лицо рукой, тихонько рассмеялась, похлопала сына по плечу и наставительно произнесла:

— Ну да, эта девчонка чуток горделива, но кто же виноват, что она и лицом хороша, и семья знатная? Ты же мужчина, ну уступи ей — что тут такого? С какой стати чуть что — сразу менять невесту? Разве это не смахивает на произвол?

— Тьфу! Заткни пасть, старая карга, что ты мелешь?!

Чжао Цзяньчэн свирепо зыркнул на жену, обрывая ее на полуслове. Уж он-то прекрасно знал нрав этой бабы: не в том ли дело, что та родом из Пекина, оттого она и мнит себя выше остальных?

Совсем у нее мозги набекрень? Если эта Цзян Хунмэй и впрямь так хороша, стал бы Гу Юй, угодивший в такую нищету, цепляться за нее изо всех сил?

Другие не замечают и думают, будто тот парень с Цзян Хунмэй в большой дружбе, но он-то видел всё предельно ясно: Гу Юй ладил с ней куда меньше, чем с тем парнем по фамилии Шэнь.

К тому же издревле говорят: жениться следует на добродетельной женщине. А эта Цзян Хунмэй с виду ладная да разумная, на деле же за кулисами — настоящий мухомор да куриные мозги.

Взгляните на тот пункт образованной молодежи: из десяти ссор девять неизменно затевались из-за ее баловства да длинного языка, а оставшаяся десятая происходила потому, что она просто не успевала вмешаться.

Спросите себя, разве может такой человек быть достоин его старшего сына? У этой бабы кругозор с воробьиный нос.

<http://bllate.org/book/22418/2353671>